

ЭРОТИКА
В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Русский Эротический Фольклор

Песни
Обряды и обрядовый
фольклор
Народный театр
Заговоры
Загадки
Частушки



СОСТАВЛЕНИЕ
И НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ
А.ТОПОРКОВА



НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

«ЛАДОМИР»

МОСКВА

1995

СВЯТКИ

ЭРОТИЧЕСКИЕ ИГРЫ РЯЖЕНЫХ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

(По дореволюционным публикациям
и современным записям)

По всей вероятности, обычай рядиться на святки (в период между праздниками Рождества Христова и Крещения Господня) уходит корнями в языческое прошлое народа. По описаниям XIX—XX веков, ряжение предстает сложным обрядово-игровым действием, сохранившим многие архаические черты, не утратившим до конца связи с древним мифологическим содержанием и магическим назначением.

Святочное ряжение неоднократно описывалось в этнографической литературе и не является для науки новым предметом. Игрищам ряженных посвящены статьи, разделы в книгах о календарной обрядности и народном театре¹, недавно появилось специальное моно-

¹ См., напр.: Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русская устная народная драма. М., 1959; Гусев В. Е. От обряда к народному театру. (Эволюция святочных игр в покойника.) — Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, с. 49—59; Он же. Истоки русского народного театра. Учеб. пособие. Л., 1977; Ивлева Л. М. Обряд. Игра. Театр (К проблеме типологии игровых явлений.) — Народный театр (сборн. науч. статей). Л., 1974, с. 20—35; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963; Савушкина Н. И. Театральные элементы на-

графическое исследование¹. Многие описания святочного ряженья позволяют убедиться в особой актуальности для обряда эротического компонента. Это проявляется и в откровенной непристойности большого числа игр, и в насыщенности всего обряда сексуальной символикой, соответствующей жестикуляцией и обсценной лексикой. Это обнаруживается и в общей для многих игр ориентированности на контакт ряженных с присутствующими девушками (последний носит нередко принудительный характер и отличается скабрзностью и жесткостью), и в самой атмосфере эротической раскрепощенности на святочном гулянье.

Исследователи святочной обрядности, отмечавшие эротические и скатологические элементы в ряженье, как правило, объясняли эту особенность языческими корнями новогоднего игрища. Так, В. И. Чичеров утверждал, что «обрядовые магические традиционные элементы <...> сохранились лишь в пережиточных формах отдельных действий и в общем эротическом колорите обряда»². До последнего времени авторы работ о святках словно стеснялись этой стороны новогоднего праздника, не решались акцентировать на ней свое внимание. Подобного рода «застенчивость» обычно мешала публикаторам и популяризаторам этнографического материала отражать в нем непристойные реплики ряженных, включать в его состав те игры, которые, по словам С. В. Максимова, представляли собой «остаток варварства, поражающий стороннего наблюдателя своим цинизмом»³. Кроме того, лишь в последние годы отпали цензурные ограничения, которые препятствовали публикации «непристойного» материала. Естественно, что до сих пор эротическое в ряженье не получало достаточного научного освещения, а на первый план

родных календарных обрядовых игр. — Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976, с. 48—57; Она же. Особенности театрального пространства в представлениях русских ряженных. — Театральное пространство. Материалы науч. конф. (1978). М., 1979, с. 327—334; Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957.

¹Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.

²Чичеров В. И. Указ. соч., с. 211.

³Максимов С. В. Неведомая, нечистая и крестная сила. СПб., 1994, с. 246.

выставлялось «бытовое юмористическое толкование»¹ святочных скабрзностей.

После снятия запретов появилась, в частности, статья, посвященная локальной традиции ряженья, в которой в полной мере отражен эротический характер многих игрищ, — читатель получил подборку описаний святочных игр в Камско-Вишерском междуречье². В настоящей главе мы предложим такие описания святочного обряда, которые помогут расширить сложившееся представление об эротическом пласте святочного ряженья.

В этом ключе представляется вполне оправданной идея переиздания двух труднодоступных источников по ряженью, что и составит первую часть настоящей публикации. Первый из них — очерк Н. С. Преображенского «Баня, игрище, слушанье и шестое января», напечатанный в некрасовском «Современнике» в 1864 году. Несмотря на то, что не все игры ряженных, описанные Преображенским, имеют ярко выраженную эротическую или скатологическую направленность, мы публикуем целиком главу об игрище (включающую также сведения об устройстве вечеринки и нормах поведения на ней местной и пришлой молодежи, описание молодежных посиделочных игр): в этом случае у читателя сложится более верное и целостное представление о ходе святочного гулянья, специфическом настрое его участников, поведении ряженных.

Мы также воспроизведем главу о святочном ряженье из известного специалиста очерка К. Завойко «В Костромских лесах по Ветлуге-реке», вышедшего в 1917 году.

Вторую часть публикации составит ранее не издававшаяся подборка описаний игр ряженных в Торопецком районе Тверской области, записанных от бывших участников и свидетелей святочных игрищ в ходе экспедиций кафедры русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена в 1987—1989 годах (руководитель — О. Р. Николаев). Здесь будут представлены не только рассказы об играх эротического и скатологического содержания, но и описания, дающие представление об атмосфере святочного гулянья, стремлении внести эротический

¹Савушкина Н. И. Народные драматические и театральные традиции в современной деревне. (На материале Горьковской области.) — Народный театр (сборн. науч. статей), с. 163.

²Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья. — Русский фольклор, вып. XXVI. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991, с. 171—188.

элемент в наибольшее количество игр. Отметим, что для торопецкой традиции ряженья эротическая тематика являлась доминантной. С ней связаны более двух третей от общего числа игр торопецкого репертуара, что создает и соответствующий облик всего обряда.

Воспоминания торопецких крестьян относятся к 1930 — 1950 годам. Таким образом, промежуток между описанными ими святочными гуляньями и тем, что наблюдал Преображенский, составляет почти сто лет, что делает особенно интересным сравнение материалов из трех предлагаемых источников, являя при этом много общего и сходного, так же как и много исключительно регионального, свойственного каждой локальной традиции.

В эротической направленности некоторых игр ряженных следует видеть не только рудимент архаического ритуала. Пожалуй, она сохраняла обрядовую актуальность в той же степени, в какой само ряжение сохраняло ритуальный характер.

Действо ряженных (особенно в посиделочном его варианте, когда все происходило в специально нанимавшемся помещении) было не только зрелищем, но имело еще и очевидную нацеленность на взаимодействие «исполнителей» со «зрителями». Объектом действий ряженных (и прежде всего действий эротического характера) становились в основном присутствующие девушки. Активность ряженных, направленная на «зрителей» и нередко переходящая в агрессию, заключала в себе не только идею воздействия на людей сил потустороннего мира¹, но и идею сексуальную. Наряду с противопоставлением «того» и «этого» света в ряжение актуализировалась оппозиция «мужское — женское». Очевидно стремление придать действиям максимального количества персонажей ряженья эротическую окраску: «гусь» щиплет и клюет в основном девушек (№ 5, 6), «расщепиха» — фантастический персонаж — их «тискает» (№ 4), «медведь» изображает, как «парень с девушкой спит» (№ 7).

В последних случаях действия ряженных были направлены как бы на всех присутствующих (по выраже-

¹ Напомним, что святки считались периодом активизации в мире людей враждебной деятельности нечистой силы, ряженные напрямую ассоциировались с «недобриками», а само ряжение считалось серьезным грехом, смыть который можно было только искупавшись в освященной крещенской проруби. О связи ряженья с оборотничеством, нечистью см.: Ивлева Л. М. Ряжение в русской традиционной культуре, с. 45—57, 65—77.

нию одного из информантов, «по народу»), а не на кого-либо избирательно. В собственно же эротических играх девушки включались в действие по одной (их «подводили»), и каждая из них должна была индивидуально подвергнуться контакту с ряженными, что составляло основу такого рода игр. Можно выделить основные виды этого контакта: удар, поцелуй, обыгрывание фаллического символа, вербальное действие (однонаправленное или диалог).

Если в излюбленном ряженными стегании «зрителей» кнутами и «жгутами» в целом не усматривается какой-либо сексуальной идеи, то в этом состоял смысл аналогичных ударов в играх типа торопецких «блинов» (№ 10—14), где били, как правило, только девушек: их подводили по одной и при этом били обязательно ниже спины, что нередко сопровождалось обценными комментариями.

Более распространенным видом эротического контакта в ряжение являлся поцелуй. Кстати, он часто наделялся животворной силой: целуя ряженных, девушка «чинила мельницу» (№ 22), «оживляла коня» (№ 23), «воскрешала покойника» (№ 39). Скорее всего, для ряженья поцелуй был важен не столько сам по себе, сколько как знак контакта между девушкой и ряженым, олицетворявшим мужское начало. Не случайно девушки так неохотно шли на это: целовать ряженных было страшно, противно и, наконец, стыдно, что явствует из многих рассказов бывших участников игр. В некоторых случаях поцелуй мог прямо символизировать половое сближение. Например, в игре в «стульчики» (№ 41) реплики ряженных подростков «Поцеловать теперь!» и «Поебать с голоду!» воспринимались как равнозначные — и в одной, и в другой ситуации выбранной девушке предстояло целовать «стульчика».

Встречались случаи, когда контакт носил иной характер: девушка должна была подержаться за половой член персонажа (натуральный либо изображавшийся каким-либо предметом) или за то, что его эвфемистически представляло в игре (это мог быть «межевой столб» (№ 32), «кран квасника» (№ 30) и т. д.). В некоторых случаях девушек заставляли целовать фаллос (см. игру в покойника в очерке К. Завойко), а иногда — наблюдать за имитируемой эрекцией (№ 25—27). При этом каждая из названных форм «приобщения» к фаллосу была функционально эквивалентна поцелую, поскольку

тоже обеспечивала оживание «покойника» (в конкретном варианте последний эпизод мог отсутствовать, но в принципе он предполагался игрой), починку или имитацию действия какого-либо предмета, механизма («межа», «квасник», «аршин, отмеряющий ситец»).

Исконная ритуальность действия ряженных, направленного на контакт с присутствующими, подтверждается следующими обстоятельствами. Это, к примеру, обязательность участия в каждой из подобных игр всех девушек. В описаниях этнографов, в рассказах самих крестьян нередко отмечается, что в большинстве случаев девушек силой подводили к ряженым и заставляли выполнять их требования. На гулянье специальные люди («придверники») становились в дверях, чтобы ни у кого не было возможности уйти от участия в игрище, другие (тоже, как правило, неряженные) вытаскивали сопротивляющихся девушек из толпы и подводили их к месту действия. Если девушка отказывалась от навязываемой ей «роли», то ряженные вместе с помощниками били ее плетками или скрученными из полотенец «жгутами» до тех пор, пока та не исполняла всего, что от нее требовали (№ 10, 22, 27, 39, 55, 56). Конечно же, насильственное включение в игру не укладывается в рамки обычного игрового поведения.

Бросается в глаза и чрезвычайная жестокость ряженных по отношению к тем, кого они вовлекали в игру. Наиболее яркие в этом смысле материалы представлены у Преображенского. Можно прийти к выводу, что некоторые игры сводились именно к истязанию присутствующих.

Вообще в процессе игрища девушки должны были пережить ряд конкретных ощущений. Одной из задач ряженных было вызвать у них определенные эмоциональные переживания и физические состояния. Не только поведенческая, но и эмоциональная парадигма была запрограммирована для тех, кто включался в игру, в общей атмосфере раскрепощенности, возбуждения, веселья девушки должны были обязательно испытать неподдельные страх, стыд, отвращение и физическую боль. В отмеченных особенностях ряженья можно видеть не только признаки его архаического происхождения, но и не утраченное им ритуальное начало. Хотя мифологическое содержание тех или иных персонажей забывалось, исчезала мифологическая обусловленность их действий и костюмов, утрачивалась

магическая мотивировка различных элементов обряда, но, несмотря на это, все же сохранялся ритуальный подтекст. По сути дела, весь комплекс эротических игр представлял для девушек серию испытаний. Пройдя через них, каждая участница должна была обрести (или доказать) свою сексуальную зрелость, готовность к взрослой жизни. Отсюда особый цинизм этих игр и всей обстановки на гулянье. Напомним, что именно брачная тематика была характерна для большинства святочных молодежных посиделочных игр, а святки и следующий за ними мясоед традиционно считались лучшим временем для сватовства и свадеб. И то, что сексуально-игровая инициация молодежи (в первую очередь — девушек) происходила именно в святки, представляется достаточно закономерным.

Особую роль в эротических играх ряженных играло слово. (К сожалению, именно этому элементу обряда собиратели уделяли мало внимания, интересуясь в основном костюмом и действиями персонажей.) С одной стороны, реплики ряженных позволяли привнести эротический смысл в игру, содержание которой напрямую этого не предполагало. Так, именно словесный текст чаще всего придавал непристойно-эротический характер играм в «покойника» (№ 37—40), «масло мешать» (№ 15—17) и «волки и овцы» (№ 18—20). С другой стороны, реплики эротического свойства приводили в необходимое соответствие действия ряженных, реально направленные на девушек, с собственно игровой их интерпретацией. В этом случае обычно использовалось иносказание. Так, в торопецкой игре «лес клеймить» (№ 43—44) ряженные, осматривая и ощупывая девушек, производили своего рода идентификацию их невинности под видом сортировки деревьев на «хорошие» и «душлянки»¹.

Кроме того, существовал тип игр, центральным моментом которых являлось именно вербальное действие. В них ряженные «обвиняли» девушку или «дружачих» парня с девушкой в нецеломудренном, распутном поведении — «судили» их (№ 45—72). Причем иногда ряженные сами «охуливали» (очерняли) «подсудимых», иногда заставляли последних признаваться в своих «преступ-

¹ Описание сходной игры см.: Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья, № 56—57.

лениях»¹. Часто (как и в других играх) такие монологи и диалоги носили иносказательный характер, использовались различные эвфемизмы. В сущности, взрослая молодежь проходила в этих играх ту же сексуальную инициацию, только на словесном уровне. Коитальная ситуация проигрывалась здесь на словах, подобно тому как в других играх — в условных действиях. Таким образом, на ритуально-игровом уровне обеспечивалась и удостоверялась готовность молодежи к брачным отношениям. Это иногда прямо манифестировалось в игре: «Можно рассудить-порядить и их оженить» (№ 70). Игровое венчание парня и девушки происходило непосредственно после «суда» над ними (№ 70—72), являясь как бы его результатом, так что эти две игры были часто просто неразделимы. Игры же, где инициацию такого рода проходили одни девушки, часто начинались со «сватовства» ряженого.

Наконец, словесный текст играл большую роль в эротизации обряда в целом. В игры нередко включались obscene тексты, необязательные для конкретного действия, избыточные по своему характеру; в основном они служили для перенасыщения атмосферы святочного гулянья эротической тематикой (№ 29, 38, 39, 67). Частые упоминания о непристойных монологах ряженных мы встречаем в очерке К. Завойко. Н. Преображенский подчеркивает обилие на вечерке «громоносной» и «броненосной» брани. Таким образом, обстановка свободы и эротической разнузданности на гулянье с участием ряженных усугублялась речевым поведением присутствующих, прежде всего, конечно, самих ряженных. Кроме того, скабрёзное вербальное сопровождение игры, предполагавшей некий контакт ряженных с девушками из числа «зрителей», воздействовало на эмоциональное состояние последних, делало для них этот контакт психологически особенно тяжелым и неприятным.

¹ Описание игр этого типа см.: Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья, № 52—55; Войцова Л. Л., Бондарь Н. К. «Сидор и Дзюд» — святочное представление ряженных. — Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л. 1990, с. 192—195.